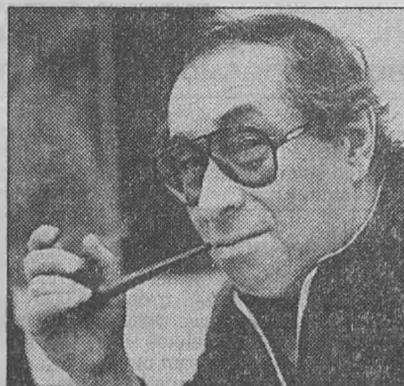

Борис ЖУТОВСКИЙ: Профессионалы устраивают свои дела, не надеясь на Союз художников

Известия - 1998 - 23 янв. - с. 6.

Начиная со скандальной выставки в Манеже, Бориса Жутовского еще долго поносили в советской печати. «Человек с двойным дном» все время рисовал не то и выставлялся за границей. Эти грехи художник не собирался замалчивать, но и на рожон старался не лезть. Он лез в прямом смысле в горы — покорила все имеющиеся на территории бывшего СССР семитысячники. Для Жутовского поклонение природе средним занятием историей и ремеслом. Потери самых близких людей не притупили бескорыстного интереса к чужому таланту. О чем свидетельствует серия «Последние люди империи». Это портреты известных артистов, писателей, художников и просто современников. Он любит их, он радуется тому, что живет с ними в одно время. В прошлом году у 65-летнего Жутовского прошло восемь выставок.

— Вы написали более 2000 картин. Как вы к ним относитесь?

— Как старуха, дорожку нахитым. Только в последнее время стал расставаться, и то с нелегким сердцем. Понимаете, у нашего поколения художников не было привычки жить так, как давно принято во всем мире. Мы не то что продавать не могли, мы подолгу не выставлялись, друг другу разве что показать могли.

— А в квартирных выставках, проходивших в 70-е годы, вы принимали участие?

— Участие в подпольных выставках гарантировало, мягко говоря, неприязность. Нам уже дали по морде на выставке в Манеже в памятном 1962-м. Когда наши работы попадали за рубеж и оказывались в коллективных выставках, то здесь о нас немедленно писали паковые статьи, чиновники Минкультуры закатывали скандалы. А мы — Эрнст Неизвестный, Юра Соболев, Юло Соостер, Володя Янкилевский и я главным образом ставили надгробия, оформляли книги. Не скрою, мы дорожили этой работой, не хотелось ее терять из-за очередной политической дури. Я, например, проиллюстрировал около двух тысяч книг, и для меня в профессии книжного графика существовали серьезные амбиции. Могу назвать некоторые свои издания — Маяковский, Шагинян, Уайлдер, Кальвино.

— А сегодня профессиональная среда может задвигать талантливого художника, как это легко удавалось во времена официоза?

— Зависть и неприятие таланта у художников в широком смысле распространены. Поэтому, когда мне что-то не нравилось в искусстве, я говорю — это не мой художник. А на банальный вопрос по поводу Глазунова отвечаю — посмотрите, как он руки рисует. Он же их прячет. Потому что это трудно. А Шилов их рисует, пользуясь фотографией. Так что пусть зрители сами судят о нас, современных художниках.

Каждый профессионал устраивает свои дела, ни на минуту не надеясь на Союз художников. У меня украли членский билет, и я его не восстанавливаю пять лет. Не нужен он, как не нужна мне и многим коллективная форма существования — творческий союз. И механики подавления одаренного человека я теперь не вижу. Если автор хочет показать свои работы, он договаривается с галереей. В прошлом году у меня прошло восемь выставок — в ЦДХ, в Третьяковке, две — в Германии и самая потрясающая — в Ирбите.

— В 1990 году, когда в ЦДХ проходила ваша первая персональная выставка, ежедневно устраивались очереди.

— Выставку в Ирбите в августе 1997-го я не могу сравнить ни с чем. У крошечного городка, расположенного в 250 километрах от Екатеринбурга, очаровательная история. Там когда-то на протяжении трехсот лет проходила Ирбитская ярмарка. Местные люди работали две недели в году, а остальное время жили на вырученные от торговли деньги. Теперь в этом затухающем городе завелся человек, неистово влюбленный в искусство.

— Это, конечно, губернатор?

— Это директор Музея изобразительного искусства Курова Валерий Андреевич. С помощью Минкультуры Ирбитский музей получил статус федерального. Карпов шесть лет копил деньги на проведение моей выставки. Издал каталог, выпустил плакаты. Люди, приехавшие за две тысячи километров, в день вернисажа слушали концерт классической музыки. В этом музее пристально занимаются наследием — там хранятся Рембрандт, Тьеполо, Ван Дейк. Карпов умудрился «раздеть» три или четыре завода и купил-таки серию «Капричос» Гойи у коллекционера. А для того чтобы приобрести серию литографий Виталия Воловича к «Тристану и Изольде», директор два года читал лекции по искусству на разных предприятиях, чтобы

рассчитаться с автором. Вот такой «малый».

— Музеи по разным причинам крайне редко вспоминают о работах, хранящихся в запасниках. Стало быть, если не станешь известным при жизни, на будущее уповать просто глупо?

— Самая большая коллекция моих работ находится теперь в Ирбитском музее, немного — в Пушкинском, на Западе — в Музее Людвига и в Модерн Арт Музее. Но с недавнего времени я начал распродавать картины, и в какие руки они попадут, мне, признаться, уже малоинтересно. Я перестал быть требовательными. Почему? Если я завтра умру, кто будет заниматься всем этим хозяйством? Дочь погибла осенью прошлого года...

— Есть ли тема, преследующая вас, или поводом к работе служит настроение?

— Западному художнику попадает в жестко отлаженную систему. Галерея—пресса—музей. Если художник начинает за что-то покупать, то галерейщик, с ним ты связан договором, требует от тебя картины в том стиле, который при его помощи был заявлен публике. Моя судьба складывалась и складывается иначе. Я действительно делаю что хочу. Я люблю работать с лаками, которые варю, потом добавляю в них порошковые краски. А когда, положим, золото вливается в застывающий лак, то возникает форма совершенно произвольная. Этим процессом — процессом рождения рельефа — руководить невозможно. Может, кто-то и упрекнет меня за игру в искусство, но моя игра — вариации на тему искусства, и она, к счастью, бесконечна.

В моей программной работе «50», разделенной на 75 квадратов, есть все, что я умею делать. Есть графика, живопись, палье-маше, ассамбляж, даже портрет Игоря Губермана я сделал в виде книги под решеткой. Поэт отсидел 5 лет в тюрьме за свои стихи.

Люблю рисовать портреты, их 280 на сегодняшний день — скрывается, видимо, увлечение историей, дружба с Натаном Эйдельманом.

И, наконец, природа, которая ошеломляет меня самостоятельной красотой. Я ведь очень серьезный бродяга, люблю залезть в горы или пройтись на байдарке по верховью Западной Двины. Север всегда полноводнее юга, там разливы вкуснее, но очень красиво просыпается весной. А возвращаешься в Москву здоровый, заросший, загорелый.

— Бороду сразу сбрасывали?

— Я не могу ходить с бородой. Меня медведь подрал в этом месте, теперь борода растет клочьями. Очень кушать хотелось, и мы застарили зверя, а он, раненый, мне лапой и врезал.

— Вас не обошла мода 60-х — альпинизм, рюкзаки и песни под гитару у ночного костра?

— Не забывайте, что тогда были закрыты границы и развлечений совсем немного. Так что поход с друзьями в горы или, скажем, желание спуститься по Оби до низовьев и разыскать канал, построенный при Петре I, воспринималось как отдушина. Можно довольло потрещаться, попеть и, между прочим, испытать физическое напряжение. Не так просто покорить «Горущку». Я сам мастер спорта по альпинизму, взял многие сложные вершины страны. Скажем, Ушбу, Хан-Тенгри, излазил Арктику, побывал в Каракумах.

Я бродяжничал с конца 40-х и даже после страшной аварии, в которой 20 лет назад погибла моя жена, а я чудом выжил, все равно продолжал ходить в походы. Этой весной тоже собираюсь.

— Вы так страстно говорите о простых человеческих радостях, что впору спросить: а как же богатая жизнь? Вы не придумывали себе имидж супермена, который имеет право на все и которому все за артистизм простится?

— Такое понимание жизни художника мне отвратительно. Этим

суперменам никто, кроме самого себя, неинтересен. Я знаю человека, которому с детства внушали, что он-то и есть король Матиуш. Он живет с этой установкой и, когда в глазах окружающих вдруг не видит ответного восхищения; скучнеет в момент. Или он, или никто. Это бывает, когда художник ставит на беспрерывный успех, успех во всем. Неслучившимся удачам в творчестве такие люди легко находят оправдание — жена, дети, погода, большевики. Путь удовольствий и самолюбования, как пропасть бездонная, не может насытить.

— Вы упомянули большевиков, которые в вашей судьбе, как оказалось позднее, сыграли не худшую роль. Вы наверняка помните, что сказала Ахматова по поводу ареста Бродского. «Какую судьбу они (большевики. — Н.С.) делают нашему рыжему». Согласитесь, после скандала на выставке в Манеже вы сразу стали известным...

— Но я ведь мог оказаться пустобрехом.

— А вы хотите сказать, что они не очень-то понимали, с кем имеют дело? В Ленинграде в одно время жили Сергей Довлатов, Андрей Битов и Валерий Попов, а за садили-то Иосифа Бродского.

— Это наивные рассуждения. Кто подвернулся, тому и по морде. Кто высунулся, тому и влетело. Коммунисты расправились с Зиновьевым, а потом отрубили головы простым партиям. Сталин отважно низверг своего предшественника, и аппарат, поначалу напуганный заведенной мясорубкой, потом вполне адаптировался. Они и после смерти великого кормчего жили ожиданием новой крови. Тем более что повод был подходящим. Пришел новый император и начал крошить направо и налево, отчего куча народа лишалась достатка, уверенности, постов и карьеры. Заговор-то против Хрущева начался аккурат в 1962-м. Мне сам Никита Сергеевич рассказывал, как Ильичев из членов ЦК метил в кресло члена Политбюро. Вместе с Ильичевым многие аппаратчики были сыты его пониманием сельского хозяйства. И, чтобы опорочить по полной программе, они умело закрутили дело с культурой.

Я присутствовал на всех встречах Хрущева с интеллигенцией и наблюдал этот паноптикум страха, лилоблюдства, лжи и сведения счетов. Как только один из «девятки» МОСХа Андронов начал говорить про белютинцев (а я учился у Элия Михайловича Белютина), мол, они — г., Ильичев сразу возразил: вы получили за свое, они — за свое. «Девятка», стремившаяся сместить прежнее, чудовищное руководство МОСХа, сводила счеты с нами, хотя в Манеже громили и их, и нас. Писательница Ванда Васильевская с трибуны донесла, что Вася Аксенов печатается в Польше.

А из Андрея Вознесенского делала utbildение. Он стоял на трибуне отчетливого зеленого цвета и говорил: «Я не представляю себе жизни без коммунизма». Правильно говорил, это было условие игры. А когда я ему сегодня напоминаю об этом, он отмахивается. Ему стыдно.

— А вам не приходилось говорить подобное?

— Не в такой степени, но пришлось. Мы с моим другом и писателем Даниилом Даниным сочинили два варианта выступления — в зависимости от развития ситуации. Я сказал примерно следующее (у меня сохранились все записи той поры): перечеркивать свое творчество в один день — вред ли искреннее дело. Без ошибок и заблуждений не может быть прожита жизнь художника. Но я надеюсь, мы сможем доказать, что нужны народу.

Так вот, возвращаясь к вопросу об извинениях, замешенной на скандале, добавлю, что ее нужно подтверждать работой, чем всегда была красна наша интеллигенция.

Наталья СЕЛИВАНОВА.